

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Къ № 151

Къ № 151

Воскресенье, 13-го июля 1903 года.

Владимиръ Галактионовичъ Короленко.

Ссылка, злая напасть на Сибирь, имѣла и благи для нея послѣдствія. Великолѣпные рассказы, занесенные ссылкой въ эту глухую страну, создали въ русской и польской литературѣ цѣлый отдѣлъ беллетристики, посвященной описанію сибирскаго быта. Въ ряду, въ которомъ стоятъ Шиямаскій, Сѣрошевскій, Танъ, Владимиръ Галактионовичъ Короленко занимаетъ самое видное мѣсто. Небольшия скитанія его начались съ 1876 г. и кончились только въ половинѣ 80-хъ годовъ; изъ этого періода пять послѣднихъ лѣтъ (съ 1880 по 1885 г.) Короленко провелъ въ Якутской области, въ якутскомъ улусѣ, въ 300 вер. далѣе г. Якутска. Печально-величавая природа сѣверо-восточной Сибири и своеобразная черты нестройнаго быта не оставшаго вполнѣ населенія дали богатый матеріалъ для приложенія таланта писателя; въ трехъ томикахъ, въ которыхъ собраны его рассказы, изъ 25-ти разсказовъ двѣнадцать, т. е. почти половина, относятся къ Сибири. Мы не беремъ на себя трудной задачи дать полный очеркъ литературной дѣятельности В. Г. Короленко, и ограничимся только тѣмъ, что въ ней касается Сибири.

Другіе писатели, подобно Короленко, сдѣлавшіеся сибирскими беллетристами независимо отъ собственнаго желанія, писали большею частью о якутахъ, тунгусахъ, чукчахъ и другихъ инородцахъ. Короленко остается постоянно среди русскаго міра. Такое распредѣленіе симпатій къ матеріалу понятно; польскіе писатели, оглядываясь на судьбу своего народа, должны были увидѣть въ якутской жизни поучительныя для себя черты. Къ якутскому міру Короленко приближается только въ разсказѣ „Сонъ Макара“, да и тутъ онъ описываетъ не настоящаго якута, а описывающаго русскаго крестьянина.

Капризная судьба русской интеллигенціи связала съ Сибирью судьбу самаго выдающагося писателя изъ молодого поколѣнія и это, для личности писателя печальное, обстоятельство обогатило литературу о Сибири мастерскими описаніями сибирской природы и изображеніемъ сибирскихъ типовъ. Талантъ нашего писателя имѣть чудное свойство одушевлять природу; она подъ его перомъ живетъ, какъ живое тѣло и даже думаетъ. „Кругомъ насъ тихо стоятъ лѣсои, весь желтый, *притомившійся къ зимѣ*“, разсказываетъ онъ въ одномъ своемъ воспоминаніи о Ленѣ. Кто изъ нашихъ земляковъ не испыталъ удовольствія, видя черты родной страны изображенными перомъ такого художника, вѣрнѣе такого поэта?

Короленко особенно застываетъ надъ описаніями грустныхъ мотивовъ сѣверной природы; онъ описываетъ, напримѣръ, постепенное замерзаніе большой сибирской рѣчки, какъ она сначала покрывается торосями у береговъ, какъ постепенно суживается свободная отъ льдинъ струя, пока не побѣдитъ послѣдній остатокъ ея на серединѣ рѣчки. Или онъ описываетъ послѣднее появленіе солнца надъ горизонтомъ передъ шестимѣсячной полярной ночью; холоднымъ утромъ дѣлѣ и ввукъ стоятъ на крыльцѣ, съ засунутыми въ рукава руками, и ждутъ восхода; слѣдуетъ описаніе, какъ появилась на горизонтѣ первая свѣтлая точка, какъ потомъ постепенно разрастается по землѣ освѣщенное пространство въ послѣдовательности, зависящей отъ положенія предметовъ на разныхъ уровняхъ, почему послѣдовательность кажется капризной; затѣмъ слѣдуетъ описаніе, какъ сокращается освѣщенное пространство въ обратной послѣдовательности, пока не потухнетъ послѣдняя свѣтлая точка. Кончатъ! авторитетно провозгласить проходящій съ лошадыо мимо крыльца конюхъ, заключая своимъ словомъ проводы потухшаго свѣтила.

Еще болѣе, чѣмъ изображеніемъ духовной связи сѣвернаго человѣка съ родной ему при родой, мы благодарны писателю за изображеніе самого человѣка. „Сонъ Макара“ такой же многозначительный разсказъ для крестьянской Сибири, какъ гончаровскій „Сонъ Обломова“ для дворянской Россіи. Макаръ, котораго всю жизнь гоняли старосты, засѣдатели и исправники, требуя подати, гоняли попы, требуя руги, гоняли нужда и голодь, которому никто не объяснилъ, что за существо большой Тойонъ, т. е. Богъ, и какой его настоящей видъ; у котораго дѣтей вяли въ солдата и онъ не знаетъ, гдѣ они и живы ли, котораго никто никогда не пожалѣлъ, а купецъ поилъ водкой, въ которой три чет-

верти воды, предсталъ теперь на судъ предъ большимъ Тойономъ, предсталъ съ включенной бородой, въ изорванной одеждѣ, въ дрянныхъ торбосишкахъ (якутскихъ сапогахъ) и почувствовалъ стыдъ собственнаго существованія и желаніе скрыть подъ землю свою мрачную и позорную фигуру, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ одинъ виноватъ въ своей участи.

Другой разсказъ: „Очерки сибирскаго туриста“ служатъ иллюстраціей къ сибирской общественной драмѣ. Особенная историческая судьба Сибири снабдила ее двумя недружными элементами и обострила отношенія между ними. Съ одной стороны представитель земледѣльческой культуры, крестьянинъ; это или сознательный пионеръ ея, „герой своеобразнаго эпоса“, или автоматъ-пахари; съ другой непосѣда, гулящій человѣкъ, котораго къ землѣ не тянетъ, онъ только „утокъ пострѣльваетъ“. Люди этого втораго сорта, извѣстные въ Сибири подъ именами баклановъ, жигановъ, варнаковъ и т. п., часто приходятъ въ кровавыя столкновенія съ первыми.

Крестьянинъ, котораго сосѣди прозвали Убивцемъ, похоронивъ жену, „поштался въ вѣрѣ“, сталъ искать новую, въ этихъ поискахъ пошелъ въ арстанты, навивно думая, что это праведники, несущіе великомученической крестъ; когда онъ открываетъ, что одинъ изъ мнимыхъ праведниковъ хотѣлъ сдѣлать его орудіемъ корыстнаго убійства, онъ убиваетъ этого мнимаго праведника. Такой же конфликтъ между инстин-

тами крестьянъ культуриковъ и духомъ гулящихъ людей служить содержаніемъ разсказа „Марусина заимка“.

Изъ міра чиновниковъ писателемъ выхвачена интересная фигура смотрителя почтовой станціи. Рѣзкое различіе между реформированной Россіей и нероформированной Сибирью заключается въ томъ, говоритъ Короленко, что у до-реформенной Россіи не было сосѣдства Россіи же реформированной, а у Сибири есть это сосѣдство и оно порождаетъ то проищеское отношеніе къ своей родной дѣятельности, которое въ Сибири встрѣчается даже у людей не особенно интеллигентныхъ. Василій Ивановичъ художественно разсказываетъ о Сибири, такъ что можно было заслушаться; въ его разсказахъ проходила панорама чисто-мѣстныхъ типовъ своеобразной и забытой реформой страны: засѣдатель безпокойно-юрисіе и алчные, исправники, отъѣхавшіе и начинающіе ощущать „удовольствіе существованія“, совѣтники, чиновники „всякихъ порученій“ и надъ всѣмъ этимъ парящее „благодущіе и величіе мѣстныхъ купитеровъ, съ демонстративно-помпадурскою грозой и съ младенчески-наивнымъ невѣдѣніемъ страны“. Все это въ разсказахъ Василія Ивановича освѣщалось внутреннимъ чувствомъ истиннаго художника; Сибирь, которую онъ рисовалъ часто непривлекательными чертами, составляла для него предметъ глубоко интересны. Онъ могъ о себѣ сказать: „люблю я родину, но странною любовью“. И когда съ нимъ что-то случилось по службѣ и ему предложили мѣсто въ Россіи, онъ отказался: „спасибо вамъ, но я не могу!... что мнѣ тамъ дѣлать? Все чужое. Помыслите, да мнѣ и выругать-то тамъ будетъ некого“.

Природа Сибири сумрачная и скупая, люди ея — безпомощные Макары, но мы, ея уроженцы, не можемъ уже отъ нея отказаться. Подобно тому, какъ государевы ямщики, описанные Короленко съ такимъ сочувствіемъ къ ихъ судьбѣ, клинчукъ свою „проклятую шель“, въ которой живутъ, т. е. долину Лени, не вырваться изъ нея не могутъ, такъ и мы можемъ иногда пороптать, но не можемъ уже оставить свою „Проклятую шель“. Государевыхъ ямщиковъ прикрѣпляетъ къ ихъ шели законъ; насъ удерживаетъ сознаніе, что мы должны отвѣтить предъ своей совѣстью за будущее Макара. Это сознаніе еще только въ зародышѣ, но оно уже соединяетъ насъ именемъ общей родины. Исподволь выдѣляется слой людей, сознающихъ свои обязанности передъ страной. Въ этомъ слой мало еще знаній, мало критическаго отношенія къ дѣятельности, и мало творческихъ силъ, но онъ работаетъ; результаты работы еще не велики, но все таки есть. И сомнѣвающейся въ его существованіи, подобно государеву ямщику Микешѣ, можетъ утѣшиться и сказать: хоть худенькой—худой, ну все еще сколько-нибудь дѣлаемъ-те правтъ.

Въ три томика, въ которыхъ собраны очерки и разсказы Короленко, не попали его рѣчи и публицистическія статьи, а между ними есть для насъ двѣ очень интересныя: рѣчь за прощальнымъ обѣдомъ въ Нижнемъ Новгородѣ въ 1896 и статья въ сборникѣ, изданномъ въ память о Гацискомъ. Въ одной изъ этихъ статей авторъ опредѣленно высказывается въ пользу областническихъ тенденцій; въ Томскѣ намъ не удалось найти тѣхъ провинціальныхъ изданій, въ которыхъ эти рѣчи помѣщены вполнѣ, а въ отрывкахъ, помѣщенныхъ въ столичныхъ журналахъ, нѣтъ тѣхъ мѣстъ, на которыя намъ хотѣлось бы указать. Человѣку, который въ теченіи пяти лѣтъ внимательно присматривался къ условіямъ жизни въ Якутской области, могла ли не показаться нелѣпой мысль навязывать всѣмъ частямъ такой обширной имперіи одинаковыя учрежденія, одинаковыя обряды, одинаковыя обычаи?

„И вглубь и вширь мы, писалъ г. Короленко по поводу Гацискаго, не смотря на свое про-

славенное даже в учебниках единство, в сущности далеко не едины. Россия так необъятна вширь, что всякая государственная идея, как бы живо она не созвучалась в центрах, рискует замереть прежде, чѣмъ дойдетъ до окраин. Начиная отъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, чутко вздрагивающихъ при каждомъ новомъ вѣяннн изъ центровъ и кончая сѣверо-востокомъ Сибири, занятыхъ „несовершенно-подданными“ (по опредѣленію Свода законовъ) чукчамъ, которые не испытываютъ уже ни въ какой мѣрѣ вліянія нашей культуры и нашего государственнаго права, наше отечество похоже на гиганта, вяло раскинувагося на огромномъ пространствѣ, съ отекшими членами, не проводящими къ конечностямъ нервныхъ токовъ отъ центровъ. И это-то мы называемъ нашимъ единствомъ... Никакіе воображаемые сепаратизмы, никакія областныя учрежденія, со всѣмъ разнообразіемъ ихъ мѣстныхъ особенностей не могутъ доставить нашему единству, нашему дальнѣйшему гармоническому развитію тѣхъ, по истинѣ устранимыхъ препятствій, какія ставятся этой инертностью нашего государственнаго организма, этой бездѣятельностью ея областей“.

При этомъ надобно замѣтить, что въ своемъ предствіаніи единства мы не были выдержаны; въ то время, какъ мы вводили повсюду одну школу, мы для цѣлыхъ областей создавали особые правовые порядки; прилескія деревни были въ государственныхъ интересахъ обращены въ обязательныхъ почтарей, Сибирь поставлена въ положеніе сеньской области, положеніе, создающее такой неисчерпаемый матеріалъ для особенной, штрафной, если можно такъ выразиться, бедлетристики.

Одну главу разсказа „Марусянъ займка“ г. Короленко заканчиваетъ описаніемъ одной лиственницы. „Нѣсколько лѣтъ назадъ дерево, очевидно, подверглось какому-то нападению: вѣроятно, какой-нибудь врагъ положилъ свои личинки въ сердцевину,—и ростъ дерева извратился: оно погнулось дугой, искривилось. Но затѣмъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы тонкій стволъ опять выпрямился и дальнѣйшій ростъ шелъ уже безукоризненно въ прежнемъ направленіи. Благородныя силы молодого дерева не остались безуспѣшны: внизу опали засохшія вѣтки и сучья, а вверху, надъ изгибомъ, буينو и красиво разрослась корона густой зелени“.

Заканчивая исторію Марусейнъ займки, разсказавъ, какъ долго не налаживалась въ ней правильная жизнь и какъ, наконецъ, культурники Маруся и Тимоха udržали верхъ, а безпокойный стрѣлокъ по уткамъ оставилъ займку, авторъ опять вспоминаетъ это сначала покривившееся, а потомъ выпрямившееся дерево и говорить, что и Маруся, подобно ему, выпрямилась. Когда-то, подобно короленьковской лиственницѣ, выпрямится и Сибирь?

Въ день 15 іюля, когда наши читатели переберутъ въ своей памяти свѣтлыя минуты, пережитыя за чтеніемъ произведеній писателя, мысль, что значительная часть творческихъ силъ любимаго писателя была потрачена на образы изъ Проклятой Щели, доставить имъ глубокое нравственное удовлетвореніе. Глубокий слѣдъ оставитъ въ сибирскомъ обществѣ появленіе нашихъ мѣстныхъ образовъ въ свѣтѣ творчества писателя, слово котораго имѣетъ власть обезоруживать грубую силу безукоризненной чистой намѣренія.

Г. П.—нѣ.

Огоньки.

(Изъ разсказовъ В. Г. Короленко).

Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ, случилось мнѣ плыть по урюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

Мелькнуло ярко, сильно, совсѣмъ близко... — Ну, слава Богу!—сказалъ я съ радостью, — близко ночлегъ!

Гребецъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весло. — Далече!

Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

Свойство этихъ ночныхъ огоньковъ—приближаться, поблѣднѣть тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ еще два-три удара весломъ—и путь конченъ... А между тѣмъ—далеко!

И долго еще мы плыли по темной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и ушливато, оставаясь назадъ и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня,—все такъ же близко, и все такъ же далеко...

Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но—жизнь течетъ все въ тѣхъ же урюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но всетаки... всетаки впереди—огни!..

4 мая 1900 г.

Карагасы.

Когда мои воспоминанія обращаются къ Сибири, въ моемъ воображеніи живо встаетъ эта тонкая иль и быстрая рѣка... а восточные обѣсыи уходящаго солнца, заснувшіе въ неясныхъ горахъ послѣдняго поворота какого-то угасающаго рога.

Короленко, „Послѣдній лучъ“.

Карагасы—маленькое племя, живущее въ горахъ Канскаго уѣзда Енисейск. губ., вблизи отъ государственной границы. Ученые считаютъ ихъ за самодѣловъ, забывшихъ финскій языкъ и усвоившихъ тюркскій. Сами они себя называютъ Туба, какъ и союзы или урянхайцы, живущіе рядомъ съ ними, но уже за русской границей.

Вл. Г. Короленко.

(Съ портрета, рисованнаго имъ самимъ въ 1880 году).

Еще въ 1883 году ихъ насчитывалось 457 д. об. п., а въ 1889 году уже 415 д.; племя это съ каждымъ годомъ уменьшается.

Инородческая племена Сибири имѣютъ неодинаковую жизненную устойчивость; одни изъ нихъ одарены такой энергіей, что не только не убываютъ въ числѣ, но даже размножаются и расселяются, захватывая чужія земли; другія же племена не выдерживаютъ борьбы за существованіе, чахнутъ и вымираютъ. Карагасы принадлежатъ къ числу послѣднихъ.

Вопросъ о причинахъ вымирания ученыхъ рѣшается различно. Одни рѣшаютъ его въ безнадежномъ смыслѣ; душевному строю другихъ претитъ такое рѣшеніе. Соціологи-дарвинисты убѣждены, что вымирание низшихъ расъ—железныя законъ природы, который человѣческая рука измѣнить не можетъ; зоологи и ботаники знаютъ вымершіе виды животныхъ и растений. На нѣкоторыхъ животныхъ, изъ нынѣ живущихъ, ученые указываютъ, какъ на вымирающихъ; есть также и вымирающіе виды растений. И между человѣческими расами, утверждаютъ нѣкоторые ученые, есть также такія, дни существованія которыхъ сочтены. И ботаникъ, и зоологъ, встрѣтившись съ вымирающимъ органическимъ формамъ, оба сдѣлаютъ заключеніе, что окружающая эти формы среда измѣнилась въ неблагоприятную для нихъ сторону. Одинаково и антропологъ долженъ будетъ искать какихъ-нибудь непосредственныхъ причинъ вымирания расъ. Само собою разумѣется, если наступившія условія дѣлающія невозможнымъ существованіе вида, будутъ устранены, то видъ не вымретъ. Въ Гродненской губерніи живутъ зубры; это остатки дикихъ зубровъ, многочисленныя стада

которыхъ когда-то водились въ лѣсахъ средней Россіи и средней Европы. Они живутъ подъ опекой особой стражи, отъ безкормицы всегда бывающей обезпечены специально для нихъ поставленнымъ сѣномъ и не вымираютъ, а плодятся. Если эта правительственная опека не будетъ отменена, то гродненскіе зубры проживутъ тысячелѣтія, вопреки желѣзнымъ свойствамъ закона природы, тяготящаго надъ ними.

Въ томъ же положеніи и вопросъ о вымирающихъ племенахъ. Если непосредственныя причины вымирания племени будутъ устранены, племя не вымретъ.

Уездъ вопроса по нашему убѣжденію заключается не въ какихъ-нибудь мистическихъ свойствахъ расы, а въ совершенно реальныхъ, экономическихъ условіяхъ, которыя сложились для низшаго племени при соприкосновеніи съ племенемъ другой высшей культуры. Если-бъ русскіе не заняли Сибири, сибирскіе инородцы продолжали бы жить, не измѣняясь въ количествѣ. Но пришли русскіе и внесли измѣненія въ экономическую жизнь инородцевъ, которыя неодинаково отразились на охотничьихъ племенахъ сравнительно съ скотоводами. Начался усиленный вывозъ пушнины изъ Сибири; замѣна лука и стрѣлъ ружьемъ и порошкомъ облегчила добычаніе пушнины и повлекла за собой быстрое истребленіе звѣрей, какъ добываемаго для пушного рынка, такъ и для собственнаго продовольствія. Но самая главная гибель охотничьихъ племенъ заключалась въ обложеніи лекомъ. Истребленіе звѣрей вело за собой обдѣлчнѣ населенія; добычаніе звѣрей на продовольствіе, сдѣлавшееся болѣе утомительнымъ, легкимъ, грязнымъ обремененіемъ, дѣлало населеніе легко поддающимся увлеченіямъ и другимъ поветріямъ. Оспа ковила чуждыя сотни; племя, состоявшее изъ тысячъ душъ, сразу уменьшилось на половину, а обложеніе оставалось въ тѣхъ же размѣрахъ, какіе были установлены, когда племя было многолюдно. Неподвижность нормы обложенія,—вотъ главная причина убыли сибирскихъ инородцевъ.

Податная психологія, выработанная практикой финансовой администраціи, поддерживаетъ ученіе, что неуклонное взаимное податей необходимо для прочности государственнаго строя. Всякій въ государствѣ долженъ сознавать себя прежде всего плательщикомъ государственныхъ податей, а потомъ уже патриотомъ и гражданиномъ. Конечно въ интересахъ государства заботиться о томъ, чтобы плательщики жили въ достаткѣ, но государственныя заботы не одинаково распространяются, какъ на русское населеніе Сибири, такъ и на ея инородцевъ. Крестьяннѣ больше платитъ и вѣрнее, поэтому на него и обращено главное вниманіе, о нуждахъ же инородцевъ мѣстная администрація мало заботится. На земли, занятія инородцами, государство смотритъ, какъ на свою доходную статью, а такъ какъ крестьяннѣ платитъ больше, то государство заинтересовано, чтобы прибыльный плательщикъ (переселенецъ) поскорѣе вытѣснилъ инородца съ инородческихъ земель.

Всѣ три интеллигентныя сословія Сибири, чиновники, священники и кушцы, не только индифферентно относятся къ инородцамъ, но во многихъ случаяхъ являются ихъ эксплуататорами. Господами положенія являются кушцы; они размѣжвали инородческой земли на „сферы вліянія“ и превратили ихъ въ подабальныя территории. Не находятъ инородцы существенной заботы о себѣ и въ двухъ другихъ сословіяхъ, въ чиновничествѣ и духовенствѣ. У чиновниковъ на первомъ планѣ не интересъ инородцевъ, а первое поступленіе податей и поддержаніе обаянія власти; у духовенства распространеніе христіанства; если священникъ и является защитникомъ инородца, то только инородца крещенаго, а не язычника. Сибирская исторія не знаетъ случаевъ, чтобы кто-нибудь изъ тѣхъ или другихъ выступилъ энергическимъ защитникомъ удрученныхъ инородцевъ. Были, конечно, исключенія во всѣхъ трехъ сословіяхъ, но они были такъ рѣдки и такъ блѣдны, что не измѣняютъ существенно высказанное нами выше мнѣніе объ отношеніи сибирской интеллигенціи къ инородцамъ. Отъ священника и мисіонера, если смотрѣть на него не какъ на исключительную натуру въ родѣ алеутскаго мисіонера Ишюкентія, а какъ на средняго чловѣка, нельзя и требовать, чтобы онъ ревниво выступилъ на защиту язычниковъ.

Мисіонеры могутъ даже видѣть въ заботахъ объ инородцахъ-язычникахъ противодействие успѣху того самаго дѣла, которое со-

ставляют существенную их задачу. И, действительно, жёсткими им можно приписать старание создать благоденствие для крещёных инородцев на счёт интересов язычников, старание поставить первых в привилегированное положение, хлопоты обь отводъ въ пользу мисси общирныхъ и лучшихъ угодій изъ земель язычниковъ и пр.

Такое беззачное отношение культурныхъ словъ сибирскаго общества къ судьбамъ инородцевъ позорно и преступно. Если образованному сибиряку случится плыть на пароходѣ по Оби съ какимъ-нибудь иностранцемъ, путешествующимъ для изучения нашего отечества и если на одной изъ пристаней предъ ними предстанетъ картина—толпа остяковъ, немумыхъ, полунагихъ, едва прикрытыхъ грязнымъ рубищемъ, съ лицами, покрытыми язвами, съ вытекшими отъ болѣзни глазами и т. п., какія душевные муки долженъ переживать русский интеллигентный человекъ, когда замѣтитъ, какъ лицо гуманнаго европейца измѣняется отъ ужаса предъ этой картиной. Ему становится больно и стыдно за свое отечество.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что въ сибирскомъ обществѣ такъ-таки совѣтъ ужъ нѣтъ друзей инородцевъ; какъ отдѣльныя лица, они существуютъ. И разрѣшеніе инородческаго вопроса состоитъ въ томъ, чтобы инициативу этихъ людей поставить въ болѣе свободныя условия. Какъ это сдѣлать? Одни говорятъ, нужно сгруппировать этихъ друзей инородцевъ въ патронатныя общества, другіе смотрятъ на это предложеніе безразлично; улучшеніе положенія, говорятъ они, будетъ зависть отъ введенія въ обществѣ земскихъ учреждений или, еще лучше, отъ измѣненія внутренней политики вообще въ государствѣ. Истина, намъ кажется, въ серединѣ. Государство въ заботахъ о главныхъ платежныхъ силахъ забываетъ объ инородцѣ, плохомъ плательщикѣ; земская среда будетъ стоять, правда, ближе къ инородцу, и печальное положеніе инородцевъ будетъ виднѣе, но все таки, мы думаемъ, и у земцевъ главное вниманіе будетъ отвлечено въ сторону отъ инородцевъ. Земское представительство не однородно; оно составляется изъ лицъ разнообразныхъ экономическихъ интересовъ, иногда враждебныхъ другъ другу. Поэтому на одно введеніе земства положиться нельзя и по введеніи его все таки придется поднять вопросъ о патронатныхъ обществахъ, которые соединили бы въ себѣ людей одного интереса, одного чувства. Главной задачей такого общества долженъ быть подъемъ племенного духа въ удающемъ племени путемъ свѣтскаго просвѣщенія. Чтобы не отугать инородцевъ и снискать въ нихъ полное довѣріе, уставъ общества долженъ быть составленъ въ такомъ духѣ, чтобы инородцы не усомнились въ немъ средства къ обращенію ихъ отъ роднаго языка, отъ древняго обычая, древняго преданія и древняго обряда къ чуждому языку, къ новому преданію, къ незнакомому обряду.

Инородцы, впадшіе въ меланхолическую стадию вымирания, теряютъ нормальное настроеніе. Это люди, удрученные представленіями о своемъ беззащитномъ положеніи и о своемъ печальномъ будущемъ; они впадаютъ въ болѣзненную апатию. И поэтому къ нимъ можно пригнѣнть слова извѣстнаго психіатра Грезингера, которые онъ высказываетъ о значеніи религій для душевнобольныхъ. «Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, отказывать въ утѣшеніяхъ религій ни одному больному, который ихъ жаждетъ и требуетъ, но было-бы совершенно противно основнымъ правиламъ психическаго леченія навязывать ему эти утѣшенія и желать затронуть въ немъ интересы, не имѣющіе почвы въ его сердцѣ... Врачъ найдетъ, конечно, жестокимъ и напраснымъ и не потерпитъ ни въ какомъ случаѣ, чтобы меланхолику, который и безъ того терзается *воображаемыми муками*, говорили о грѣхахъ и покаяніи, или, чтобы боязливыхъ, недоувѣрившихъ большихъ заигрывали представительными обь адѣ. Меланхолики и маньяки или остаются совершенно равнодушными къ такимъ представленіямъ, или хватаются за нихъ съ жадностью, находя въ нихъ пищу для своего бреда». Намъ кажется, что разумнѣе было-бы къ

племени, выбитому изъ колеи правильной народной жизни, посылать предарительное миссіонерство свѣтскаго просвѣщенія.

Къ нашей статьѣ мы даемъ два рисунка, изъ которыхъ одинъ представляетъ группу карагасовъ мужчине, а другой группу женщинъ; фотографические снимки съ этихъ группъ сдѣланы докторомъ Н. Е. Маковецкимъ. Г. Маковецкій, нынѣшній предѣлатель Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Географ. Общества, совершилъ побѣду къ карагасамъ для антропологическихъ измѣрній. Практическій результатъ его побѣды заключается въ томъ, что, возвратившись изъ побѣды, онъ подалъ по начальству

ва или даже глѣбый мундиръ. Злой проиеръ звучитъ это платье административнаго покроя на голомъ тѣлѣ инородца. Во вѣншемъ бытѣ карагасовъ мало осталось типическаго; преданія перебыты; обычай и обряды выдохлись; словомъ народность гложется. Мы сказали, что главной задачей патронатныхъ обществъ долженъ быть подъемъ племенного чувства. Изучавшіе экономическій бытъ сибирскихъ инородцевъ недостаточно обрали вниманія на зависимость духовной бодрости племени отъ сознанія, что принадлежишь къ сильному, крѣпкому, здоровому обществу, которое можетъ постоять за своихъ членовъ. Горе тому инородческому племени,

которое утратило свою племенную организацию, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣру въ энергію своихъ сородичей. Большинство вымирающихъ племенъ въ Сибири принадлежатъ къ финскому племени, и можно было бы подумать, что вымирание—роковая судьба финскихъ племенъ, но мы видимъ, что не всѣхъ финновъ постигаетъ печальная судьба. Зырянѣ—народъ тоже финскаго племени, но они не только не находятся въ упадкѣ, но распространяются и на западъ, и на востокъ на счётъ другихъ финскихъ племенъ; они распространились до Кольскаго полуострова, отнявъ земли у самодѣвъ и лошарей, и до Обдорка, гдѣ они переводятъ на себя оленья стада самодѣвъ и остяковъ. Эту побѣду надъ другими финнами даетъ имъ бодрость ихъ племенного духа. Балтійскіе финны еще лучше показываютъ, какіхъ культурныхъ результатовъ, возбуждающихъ зависть даже и въ насъ, русскихъ, можетъ достигнуть при обезпеченной племенной организации та же финская раса, къ которой принадлежатъ, по свидѣтельству ученыхъ, и карагасы, представляющіе картину маленькаго народа, раздавленнаго тяжестью огромнаго государственнаго тѣла. Это племя въ настоящемъ его положеніи производитъ впечатлѣніе насѣкомаго, которое раздавлено колесомъ тѣлги; симметрия нарушена, оригинальные рисунки и краски на надкрыльяхъ, которые служили для энтомологій діагнозами для опредѣленія рода и вида, изломаны и запачканы, шевелятся только отдѣльные члены, не соединенные общей жизнью.

Г. Потанинъ.

Карагасы Нижнеудинской тайги.

Дѣвушки-карагасы.

записку съ изложеніемъ современнаго печальнаго положенія племени и послѣдствіемъ записки было освобожденіе карагасовъ отъ ясака. Очень жаль, что этотъ гуманннй шагъ мѣстной власти мало извѣстенъ въ сибирской публикѣ и что результаты побѣды г. Маковецкаго до сей поры не напечатаны.

Достаточно довольно бѣднаго взгляда на наши рисунки, чтобы увидѣть, какъ мало осталось этнографической цѣлности у этого племени. Остались только обликъ лица, а въ костюмѣ какая-то смѣсь изношеннаго платья съ чуждою плеча, возмущающая этнографа. Мы не удивились-бы, если-бы встрѣтили на карагасѣ, какъ это наблюдалось уже на обихихъ остякахъ, подаренную поношенную фуражку полицейскаго приста-

Въ мертвомъ айлѣ.

Нольше она злобе вникто внаитъ, да кто душу свою положитъ за другиъ своя. (Ер. отъ Юанна, гл. 15, стихъ 15).

У подножья замыкавшихъ долину горъ, серебристою полосой начиналось озеро, звѣзды въ высотѣ темносиняго неба казались больше и прекраснѣй, а быстрый Чулышманъ, словно радуясь тишинѣ и покою, съ тихимъ шумомъ несъ въ Телецкое озеро свои бурная волны.

Около большой юрты, построенной изъ бересты и козьевъ, сидѣло нѣсколько человекъ; они разговаривали... Среди гортаннаго говора инородцевъ порой слышалась русская рѣчь, и ясно раздавался среди тишины звучный голосъ, то говорившій по русски, то произносившій слова на алтайскомъ языкѣ; что-то убѣдительно было въ раздѣльно и ясно произносимыхъ словахъ, такъ что внимательно слушающіе алтайцы даже вынули трубки изо рта и жадно слѣдили за разсказомъ.

Луна поднималась все выше и выше, залила долину цѣлымъ моремъ серебристыхъ лучей, легла мягкими тонами на траву, деревья и кустарники и ясно выдѣлила изъ темноты фигуру говорившаго человека. Это былъ монахъ, съ лицомъ уже не первой молодости; волосы на его головѣ, волнистые и не особенно длинные, обрамляли бѣлый высокой лобъ, а глаза—больше, каріе, выглядывали ласково и участливо поверхъ очковъ на слушающихъ его дикарей.

— Вотъ ты говоришь, бабка, что Богъ добрый... все видить... всѣмъ помогаетъ!—началь одинъ инородецъ поспѣ минутнаго молчанія, наступившаго за окончаніемъ рѣчи миссіонера; а вотъ въ айлѣ*), у дальнихъ сопкахъ, люди съ

* Айлъ—юрта, собраніе юрты.

голова мрут: скоть пропалъ, крутъ, пыштакъ*) — нтъу... чегень***) тоже... курмачу***) купить — денег нтъу... толканъ †) — вышелъ... а Богъ не видит, не поможетъ!..

— Гдѣ это... ты говоришь?

И взволнованный миссіонеръ быстро поднялся. Вотъ неразумный!.. да что-же вы мнѣ давно-то не говорите?!

— Ну, о, діаконъ, собирайся скорѣе! — обратился онъ къ блондину съ веселымъ молодымъ лицомъ. Буди толмачей... Гдѣ-то они?.. Распорядись, чтобы лошадей сбѣдали и скорѣй туда!.. Свѣсное что есть — съ нами заберемъ!..

— Далекое это? — опять обратился онъ къ инородцу. Ты собирайся, неразумный!.. вотъ видишь — Богъ-то тебѣ и внушилъ сказать, что они тамъ голодуютъ, а ты молчалъ... значитъ, ты и вина тому, что помочь къ нимъ не шла во время... Ну, а скажи мнѣ — почему вы сами то не увезли ничего свѣсного?

— Боялись, бачка! Я нечаянно къ нимъ попалъ... У нихъ люди помирали... боялись что и къ намъ хворъ пристанетъ!..

Миссіонеръ махнулъ рукой; онъ быстро прошелъ за юрту, гдѣ въ рощицѣ слышались голоса и ржанье лошадей, и въ ожиданіи окончанія сборовъ, присѣлъ на широкий камень и грустно задумался надъ тѣмъ, о чемъ онъ только что услышалъ... Думалъ о тѣхъ, обреченныхъ на смерть, оставленныхъ всѣми; думалъ о томъ, какіе жестокие люди — эти дикари, въ средѣ которыхъ онъ прожилъ лучшие годы своей жизни. И тутъ-же оправдалъ ихъ, этихъ дикихъ дѣтей природы, къ которымъ привыкъ, которыхъ любилъ своимъ одинокимъ сердцемъ. Цивилизованные люди, пожалуй, еще болѣе бездушно относятся къ чужому горю, чѣмъ эти бѣдники. Мало по малу онъ забавлялся, подавивъ въ себѣ овладѣвшій имъ мысли, какъ онъ всегда дѣлалъ въ случаяхъ, когда понималъ, что нужно дать покой усталому тѣлу, и уснулъ тутъ-же, на камнѣ, прислонившись спиною къ дереву и склонивъ начинающую сбѣдѣть голову на грудь...
Луна, оспавшая землю шедрыми лучами, какъ будто желая дать ему покой, не пробивалась сквозь густую листву дерева, прикрывшаго его лицо своими вѣтвями; однообразный шумъ водопадовъ заглушалъ шумъ въ рощицѣ... Онъ спалъ какъ дитя, и его лицо дышало тихимъ покоемъ.

Діаконъ, искавшій его около юрты, наконецъ, нашелъ его здѣсь, хотѣлъ разбудить, но раздумалъ; ему стало жалко будить его, да и самого усталость морила и, сходявъ въ рощицу, онъ сбѣдалъ тамъ какое-то распоряженіе; потомъ вернулся къ спящему съ волосистой веревкой отъ сбѣда, окруживъ этой веревкой камень, на которомъ спалъ миссіонеръ, обезопасилъ мѣсто отъ змѣй, боившихся запаха пропитанной конскимъ потомъ веревки, и самъ прикурнулъ тутъ же, на другомъ концѣ камня, положивъ руку подъ голову... Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на небо, на горы... Слухалъ шумъ водопадовъ; но все это скоро исчезло изъ его слуха, и онъ уснулъ крѣпкимъ, молодымъ, здоровымъ сномъ...
Утро встало чудное, росистое, ясное... Деревья какъ-то приветливо трепетали свѣжей листвою...

Птицы гдѣли, чирикали неумолчно... Стучали дятлы въ глухой, непроходимой тайгѣ... Цвѣты раскрывались, полные росы, а Теленское озеро, приливая шумѣло, набѣгала на берегъ и облизывая прибрежные скалы. Никакой драмы не отражалось въ настроеніи природы...

По едва замѣтной тропинкѣ, помятая голова и позвякивая удилами, осторожно и ровно ступали маленькія алтайскія лошади одна за другой; молчаливо сидѣли всадники, любясь окружающимъ, и только проводникъ что-то бормоталъ по привычкѣ алтайцевъ, гдѣли или скорѣе говорилъ о всемъ, что попадалось на глаза, самъ себѣ на своемъ странномъ языкѣ.

Мѣстность становилась еще болѣе дикой; тропинка вилась вдоль бурной и широкой рѣки, несшейся съ камня на камень, и уходила въглубь горъ, постепенно подымаясь; лошади прыгали черезъ старая деревья, упавшія на нее, скользили по скалистымъ откосамъ, лѣзлили на узенькихъ карнизахъ бомовъ*).

Всадники задумчиво смотрѣли на эти дикія и величественныя картины, развѣтывающіяся передъ ихъ взоромъ; рѣдко кто словомъ перебрасывался!

Въ полдень остановились въ холодной котловинѣ, сжатой со всѣхъ сторонъ скалистыми уступами, напихали чаю изъ котелка, дали передохнуть лошадямъ, поѣли и опять двинулись... Къ вечеру проводникъ обѣщалъ довести ихъ до цѣли. Миссіонеръ безпокоился и подгонялъ коня; онъ еще утромъ, проснувшись, распросилъ хорошенько инородца о голодающихъ въ аялѣ, узнавъ время, когда тотъ ихъ видѣлъ; оказалось, что съ того времени прошло уже 2 недѣли.

Вотъ и аялъ. Три — четыре юрты бѣлѣлись на небольшой полянкѣ; ни одна собака не залаяла при приближеніи путниковъ. Мертво и тихо было кругомъ, только дѣсь шумѣли листьями, подъ поднимающимся къ вечеру вѣтромъ.

Миссіонеръ, завидѣвъ юрты, сталъ еще нетерпѣливъ; онъ быстро соскочилъ съ коня и торопливо пошелъ къ нимъ, точно пѣшкомъ онъ скорѣе могъ достигнуть до юрты. Другіе тоже сбѣжились. Входныя отверстія юрты въ наступающихъ сумеркахъ казались страшными: «что тамъ, за ними?» Діаконъ опередилъ миссіонера и исчезъ въ одномъ изъ отверстій... въ слѣдъ за нимъ и другіе... Нашли двухъ мертвецовъ и одну умирающую женщину; она попросила пить и указала слабой, исхудалой рукой, на слѣдующую юрту:
— Тамъ — дитя!

Оставивъ около больной двухъ человекъ, они пошли туда; тамъ они нашли умирающаго старика и дѣвочку лѣтъ шести, исхудалую до ужаса, но живую и даже не болную; ею занялись сейчасъ же. Въ третей — никого не было: люди ушли изъ нея должно быть... А въ четвертой, въ берестяной лодкѣ, отчаянно, жалобно надрывался, плакалъ крошечный ребенокъ, а рядомъ на полу лежала мертвая мать; рука ея была приподнята и такъ и застыла, протнута къ ребенку; грудь открыта; она и умирая хотѣла, видимо, подняться и накормить ребенка каплями молока, оставшимися въ ея истощенной груди...

Вѣсъ стоялъ взволнованный, подавленные; тяжелое чувство безграничной жалости и печали охватывало всѣхъ.

Монахъ-миссіонеръ нагнулся надъ колыбелью; на него глянули свѣтлые глазенки; ребенокъ, обрадовавшись живому лицу, пересталъ плакать и вдругъ крошечный ротикъ улыбнулся, маленькія ручки протянулись къ нему.

Миссіонеръ взялъ его на руки. Это была дѣвочка-язвчица жѣлцевъ десяти, крупная и здоровая, хотя похудѣвшая и, видимо, страшно голодная; она все пожимала и не шла ни къ кому кромѣ полюбившагося ей монаха... Онъ улыбнулся этому капризу и, завернувъ ребенка покрѣпче въ свое дорожное одѣяло, сѣлъ съ нимъ около разведеннаго костра. Толмачъ размочилъ сухарей въ вскипятившей водѣ и накормилъ обоихъ дѣтей. Вѣсъ завалился хлопотами; кто ухаживалъ за больными, кто хоронилъ мертвыхъ... Женщина, покормленная и заботливо уложенная на мягкую подстилку, слабымъ голосомъ рассказывала о томъ, какъ они голодали, какъ всѣ, кто могъ и былъ здоровъ, разределись въ поискахъ пищи, а онѣ, ослабѣвшія, не смогли уйти, остались умирать... Сиротки заснули, одна на рукахъ миссіонера, другая, прикурнувъ воялъ него, на разостланныхъ коврахъ и чердакахъ...

Небо покрывалось тучами и только рѣдкія звѣзды мигали въ просвѣтахъ этихъ тучъ; вѣтеръ колебалъ пламя костровъ, и люди, ховившіе около нихъ, казались какими-то странными существами при свѣтѣ колеблющагося пламени. Лицо миссіонера было печально; онъ съ нѣжной ласкою смотрѣлъ на лежавшаго на колѣняхъ ребенка, крохотная ручка которого ожимала палецъ его руки; лѣвочка и во снѣ не спускала его; чувство горячей нѣжности закралось въ его сердце къ этому осиротѣвшему ребенку; онъ думалъ объ ея судьбѣ, объ ея будущемъ. Иногда взгляды его добрыхъ глазъ останавливались на другомъ личикѣ, и печальная улыбка пробѣгала по губамъ...

— Никого не было... думалъ онъ... одинъ быть и, вотъ — дѣвъ жизни, дѣвъ заботы... бѣдныя... бѣдныя!..

И склонясь къ крохотному личику, миссіонеръ тихо поцѣловалъ теплый лобикъ маленькой язвчицы...

А. Мирская.

Къ рисункамъ.

Къ портретамъ В. Г. Короленко. Мы даемъ два портрета писателя; одинъ скопированъ съ портрета, находящагося въ продажѣ; другой съ портрета, любезно доставленнаго намъ С. П. Шевцовымъ. Подлинникъ второго портрета рисованъ карандашемъ самимъ Владимиромъ Галактионовичемъ (копечно, при помощи зеркала) въ 1880 г., во время пребыванія въ тобольской пересыльной тюрьмѣ, которая дала автору «Сна Макара» матеріалъ для разсказа «Въ подлѣдственномъ отдѣленіи». Для своего времени, когда В. Г. былъ моложе, портретъ имѣлъ большое сходство; онъ подаренъ писателемъ г. Шевцову на память о дняхъ, проведенныхъ вмѣстѣ, подъ одной кровлей съ героемъ разсказа «Въ подлѣдственномъ отдѣленіи».

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

*) Родъ сыра.
**) Кислое молоко.
***) Ячменное зерно поджаренное.
†) Зерно ячменя, поджаренное и истощенное.

*) Бомъ — праторъ, береговая снала.

ВНОВЬ ОТКРЫТА,
оборудованная новѣйшими аппаратами
ФОТОДИННОГРАФИЯ
Принимать заказы на изготовленіе
ЖЕЛЧНЫХЪ И ДИЯКОВЫХЪ КЛИШЕ
для всевозможныхъ иллюстрацій и рекламъ.
Цѣны: отъ 20 коп. за кв. дюймъ — на изготовленіе клише съ рисункомъ перомъ, копій въ тиражѣ, въартъ и чирковка и отъ 40 коп. за кв. дюймъ — съ рисункомъ кистью, фотографій и фотографій (мелкія клише больше 10 словъ, то платится за кв. на 10 дюймъ).
Заказы высказываются по первому требованію.
Исполненіе заказовъ быстрое и аккуратное.
Заказы адресуются: Томскъ, Фотодиннографія П. И. Макушина

Складъ
ТОЛЬКО ЛУЧШИХЪ
ВЕЛОСИПЕДОВЪ
у П. Рукавишникова.
Томскъ, Духовская, № 3-й.

